

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-224

EDN: САУQKV

Развитие информационно-семиотической теории культуры в методологии культурологического знания

Ольга Николаевна Астафьева^{1✉}, Хажисмель Гисович Тхагапсоев²

¹Доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119606, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84

²Доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173

¹onastafieva@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8727-6322>

²gapsara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5778-5265>

Аннотация. Статья является продолжением исследования, посвященного особенностям становления и развития информационно-семиотической теории культуры в отечественной культурологии. Раскрывается значимость концепта «информация» в ключе современных идей и принципов постнеклассической парадигмы научного познания, показываются возможности включения положений информационно-семиотической теории культуры в методологический каркас культурологии. Из бесконечного многообразия видов и элементов культуры авторы выделяют два фундаментальных и системообразующих качества культуры – творчество и информацию. Сложное сопряжение природного, социального и культурного посредством информации определяет процесс смыслообразования, а по мере изобретений технологии хранения, трансляции и использования, увеличения объемов доступной человеку информации, скорости оперирования ею возрастает «культурность» человека. Видовая специфика информации представлена в статье разными формами и типами культуры, сущность которых раскрывается на примерах исследования телесности, нематериального культурного наследия. Принцип «максимума информации», проявляющийся в культуре и искусстве, стимулируется условиями среды, фактором увеличения разнообразия используемых средств. Следствием его действия во всех видах и жанрах является увеличивающаяся информативность произведений искусства.

В статье актуализируется дискуссионный вопрос об «атоме культуры», или «культуреме», о выявлении «элементарных» частей, минимальных фреймов (паттернов) культуры, которые в процессах ассоциаций, референций и эмерджентности обретают привычные нам формы и знаково-символические облачения. Ставится вопрос о трех типах эмерджентности культурного бытия – структурно-стилевой, ментальной, субъектной, влияющих на развитие новых стилей, форм и жанров. Методологические ресурсы информационно-семиотического подхода в культурологии раскрывают дефиниции «референция – эмерджентность – фрейм – фрактал – рекурсия», в сочетании с категориями истории и философии культуры составляет основу тезауруса информационно-семиотической теории культуры, внося в междисциплинарную методологическую версию культурологии свои поправки.

Ключевые слова: культура; информация; модусы бытия человека; культурная форма; телесность; нематериальное культурное наследие; динамика культуры; фрейм; эмерджентность; типологизация культуры; культурология

Для цитирования: Астафьева О. Н., Тхагапсоев Х. Г. Развитие информационно-семиотической теории культуры в методологии культурологического знания // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 224–233. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-224>. <https://elibrary.ru/САУQKV>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

Developing information-semiotic theory of culture in the methodology of culturological knowledge

Olga N. Astafieva¹✉, Khazhismel G. Tkhagapsoev²

¹Doctor of philosophical sciences, professor, UNESCO department, director of the scientific and educational center «Civil society and social communications», Russian Presidential academy of national economy and public service. 119606, Moscow, Vernadsky prospect, 84

²Doctor of philosophical sciences, professor, Kabardino-Balkarian state university named after Kh. M. Berbekov. 360004, Nalchik, Chernyshevsky str., 173

¹onastafieva@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8727-6322>

²gapsara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5778-5265>

Abstract. The article continues the research devoted to the specifics of forming and developing the information-semiotic theory of culture in Russian cultural studies. The article explains the significance of the concept “information” in terms of modern ideas and principles of the post-non-classical paradigm of scientific cognition and shows the possibility of including the information-semiotic theory of culture in the methodological framework of cultural studies. Out of the infinite variety of types and elements of culture, the authors emphasize two fundamental and system-forming qualities of culture – creativity and information. The complex mixture of natural, social and cultural information determines the process of sense formation, and as the technology of storage, transmission and use is developing, the amount of information available to man is growing, and the speed of processing it is rising, the human level of culture is increasing. The specificity of information is presented in the article by different forms and types of culture, whose essence is shown by the examples of studying corporality or intangible cultural heritage. The principle of «maximum information» manifested in culture and art is stimulated by the environment conditions and the increasing diversity of the means used. The effect of its functioning in all types and genres of art works is their increasing informativeness.

The article actualizes the debatable issue of the «atom of culture» or «cultureme», about the identification of «elementary» parts, minimal frames (patterns) of cultural forms, which in the processes of associations, references and emergence acquire familiar forms and symbolic meanings. The authors discuss the emergence of three types of cultural being – structural-stylistic, mental, subjective, influencing the development of new styles, forms and genres. The authors consider the methodological resources of the information-semiotic approach in culture studies; the definitions of «reference – emergence – frame – fractal – recursion», in combination with the categories of history and philosophy of culture form the basis for the thesaurus of information-semiotic theory of culture, making the amendments to the interdisciplinary methodological version of culture studies.

Key words: culture; information; modes of human existence; cultural form; corporeality; intangible cultural heritage; culture dynamics; frame; emergence; culture typology; culture studies

For citation: Astafieva O. N., Tkhagapsoev H. G. Developing information-semiotic theory of culture in the methodology of culturological knowledge. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(4):224–233. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-224>. <https://elibrary.ru/CAYQKV>

Развитие информационно-семиотической теории культуры в методологии культурологического знания

Направление размышлений о методологическом каркасе современной культурологии мы начали в ранее опубликованной нами статье «Истоки становления и основания для развития информационно-семиотической теории культуры» [Астафьева, Тхагапсоев, 2023, с. 221–230] с выявления истоков информационно-семиотической теории [Чернавский, 2001; Моль, 1966; Лотман, 2010; Лотман, 2018]. Опираясь на концептуальные положения работ Ю. М. Лотма-

на, А. Моля, Д.С. Чернавского, мы намеренно ограничились изложением основных этапов развития представлений о том, что глубинное основание культуры составляют информационные процессы [Степин, 2001; Урсул, 2013; Колин, 2015; Кармин, 2011; Каган, 1996; Барт, 2000; Тхагапсоев, Астафьева, 2020]. В заключительной же части нашего исследования мы намерены показать «окна возможности», которые открывает информационно-семиотическая теория в плане развития культурологической науки на перспективу.

На наш взгляд, любая теория, заявляющая о себе на арене науки, может стать и становится частью методологического багажа и рабочим инструментом ученого лишь в той мере, в какой она способна раздвинуть горизонты его (ученого) виденья. В чем же и как рассматриваемая теория раздвигает горизонты культурологии? Если формулировать кратко, то – во всем. Вызов и категоричность такого ответа, согласитесь, требуют пояснения. Поэтому прежде всего примем за исходное понятие понимание информации как меры отраженного разнообразия объектов [Урсул, 1971], сущность которой, однако, значительно превышает возможности количественного описания, поскольку может быть выраженной различными способами и использоваться для конструктивного или иного описания информационных процессов. Одним словом, познание культуры раскрывается для нас своими разными структурными, образно-смысловыми сторонами и, благодаря информационно-семиотическому подходу, снижает неопределенность знаний обо всех феноменах культуры, как моделируемых объектов, раскрывая завесу «континуума смыслов», имманентно им присущих.

Культурологические исследования, таким образом, предполагают сложный процесс – от объяснения символического мира культуры к постижению континуума смыслов с его многомерным контекстом. Получение соответствующих научных знаний всегда включает и личное видение автора на предмет познания и способов воздействия на него, на основе которого осуществляется различение ценности полученной информации. Обратим внимание, что ключевую роль играет то обстоятельство, что информационно-семиотическая теория базируется на антропологической концепции о многомерной природе человека, а также предлагает, как уже подчеркивалось, новое видение глубинной сущности культуры, соответственно, – и всей «анатомии» отношений «человек-деятельность-культура-социум». Позволим себе пунктирно обозначить возможности методологической интерпретации информационно-семиотической теории в культурологических исследованиях.

Информационные ресурсы усложняющегося бытия культуры

Из бесконечного многообразия видов и проявлений культуры и ее элементов выделим два фундаментальных и системообразующих качества культуры – *творчество* посредством разных деятельности и накапливаемую, перерабатываемую,

хранимую и передаваемую из поколения в поколение *информацию*.

Хотя через призму разбираемой теории они оба взаимосвязаны, тем не менее, почему исследование культуры мы начинаем с деятельности? Прежде всего потому, что деятельность – это акт порождения, продуктивное действие, когда что-либо в процессе становится результатом, т.е. производится. Не менее важен и второй аспект, без которого ответ останется незавершенным. Речь идет об осмыслении перехода от одного этапа творческой деятельности к следующему этапу – восприятию результатов, которое может повлиять на итоговую оценку и смыслы, первоначально закладываемые автором.

С позиции информационно-семиотической теории, о которой идет речь, человек посредством деятельности творит не только артефакты культуры, но и много такого, что к культуре напрямую не относимо, а именно – продукты (и отходы) социобиологических вещественно-обменных отношений «человек-природа» – многомиллиардные тонны мусора, выбросов в атмосферу, горы отвалов от добычи ископаемых, опасные излучения. Однако все это почему-то не учитывается в ныне бытующей деятельностной теории культуры, как не учитывается и при делении культуры на мир «материальных», «духовных» подсистем в расхожих у нас типологических системах культурологии. А информационно-семиотическая теория, подчеркнем еще раз, исходит из учета непреложного факта, что человек имеет в широком смысле – две формы бытия: неспецифическую, то есть био-социальную (как у животных) и специфическую – «культурную», которая присуща только ему и базируется на уникальном даре творить смыслы, знаки, символы, сопрягая их воедино в информацию и выстраивая в итоге когнитивно-символические процессы и алгоритмы, позволяющие накапливать знание и информацию. При этом неспецифическое бытие обеспечивает решение витальных проблем человека: размножение, само-сохранение, само-воспроизводство на основе механизмов присвоения ресурсов природы и коллективной формы бытия с опорой на социобиологические механизмы – на доминирование и принуждение. Для такой формы бытия, как показывает история, не требуется много информации – издревле и по сей день существуют племена, опирающиеся на весьма скромные языки с лексикой из пары сотен слов. Однако такое упрощение не свойственно культурологическому

подходу. Как показывает анализ, к вопросам культурогенеза и становления культуры с разных сторон подходили многие исследователи: А. Я. Флиер [Флиер, 2012], И. В. Кондаков [Кондаков, 2024, с. 54], Д. Л. Спивак [Спивак, 2024, с. 21], раскрывая вопрос взаимосвязи и включенности природы в культуру. Расширение методологического инструментария в теории культуры произошло за счет учета информационных аспектов и самоорганизации в становлении культуры, в частности, разработки смыслогенетической концепции культуры [Пелипенко, 2012, с. 151–196], синергетической концепции культуры [Астафьева, 2012а, с. 105–150; Каган, 2006, с. 59–62], трактовки культуры как сложной эволюционирующей открытой системы [Степин, 2011], где авторы с разных сторон раскрывают проблемы генетической информации в динамике сложных антропо-социо-культурных систем, представленности в структуре культуры семиотических кодов и т. д. Сложное сопряжение природного, социального и культурного посредством информации определяет процесс смыслообразования. И. В. Кондаков выявляет эту сложную взаимосвязь на стадии появления протоформ, полагая, что «практически все явления действительности, попадающие в сферу мышления, деятельности и творчества человека, так или иначе становятся культурой – нечеловеческой, если она формируется без сознательного участия человека, или человеческой. В том и другом случае, они попадают в смысловое поле культурного дискурса» [Кондаков, 2024, с. 54].

Таким образом, в культурном бытии присутствует и динамическая, и структурная форма информации, поскольку мир смыслов, идей, сомнений, познания, свободы, дерзаний, исканий себя, нескончаемого внутреннего диалога человека; мир любви, вдохновения и творчества, создается благодаря дару человека творить информацию. И здесь потребность в информации огромна, ведь необходимо объять и выразить, как безмерную сложность бытия, так и тончайшие грани мыслей, чувств и ощущений человека. Основанием этого особенного мира (мира культуры), формировавшегося в сложных процессах антропо-социо и культурогенеза, подчеркнем еще раз, и стали когнитивно-ментальные, то есть информационные процессы нашего мозга, базирующиеся на знаково-творчестве. В этом контексте очевидно, что «культурность» человека возростала ровно в той мере, в какой увеличивались объемы доступной ему информации, скорости опериро-

вания ею, а также строились (изобретались) технологии ее хранения, трансляции и использования. Рост культурности, в свою очередь, означало «обуздание и нивелирование биологического и социо-биологического» в человеке. В этом контексте процесс культурогенеза предстает и как обретение человеком еще одного существенно измерения в ряду множества давно номинированных измерений, а именно – «*homo informaticus*». Но это еще не все.

Видовая специфика информации в разных формах культуры

Дело в том, что рассматриваемая теория исходит из принципа единства материального и духовного в культуре – их отдельное бытие невозможно, как невозможно бытие информации без ее носителя. И здесь уместно обратиться к таким формам культуры как спорт, хореография, вокал, где человек выступает не только «как носитель» всей информации о любом виде и всех жанрах указанных форм культуры (человек и есть носитель любой социальной информации и ее бесконечного многообразия), но и инструмент ее «декодирования», то есть исполнения всех жанров всех перечисленных форм культуры – посредством пластики, динамики, эстетики своего тела или своего голоса. Но этот, казалось бы, явно очевидный факт пока очень осторожно учитывается в существующих сегодня подходах к типологизации культуры. Тем не менее, можно говорить о самостоятельном направлении в культурологии, где телесность рассматривается как социокультурный феномен и информационный процесс. Этому способствуют открытия в области нейрофизиологии мозга, а также гибкий подход к пониманию онтологических и социокультурных оснований телесности, что позволяет включить проблемы человеческого тела в информационную картину мира, подходить к познанию человеческой телесности посредством коммуникаций. Междисциплинарная основа культурологии позволяет на основе информационно-семиотического подхода сосредоточиться на проблеме целостности человека, на объяснении того, как достигается «соответствие между внутренними и внешними факторами информации и развитие способности диалога между «внешними» и «внутренними» состояниями тела» [Цветус-Сальхова, 2011, с. 72–73], поскольку «знаки и символы как знаки внешнего и внутреннего аспектов в пространстве телесности со-

единяются в одну языковую структуру» [Цветус-Сальхова, 2011, с. 72–73].

Но не только это направление культурологических исследований раздвигает рамки типологии культуры. Очевидно, что костюм, кухня и жилище не сводятся, не могут сводиться к их материальным субстанциям, иначе сказать – к их вещественной стороне (как принято считать), а значит – не могут считаться всего лишь «элементами материальной культуры». Признание того, что они составляют огромный пласт «нематериального культурного достояния» человечества, обладающего уникальными свойствами культуры, значимо, особенно в контексте понимания, что, с одной стороны, объекты нематериального наследия обладают всеми признаками материальных объектов музейного значения, за исключением их неосвязаемости [Мастеница, 2017, с. 82]. С другой стороны, «по отношению к такому свойству как информативность следует подчеркнуть, что объекты нематериального культурного наследия зачастую содержат гораздо больший объем информации, чем материальные музейные предметы, так как первые представляют собой процесс, ментальные представления, абстрактные образы, ценностные нормы, нравственные критерии, эстетические категории в разнообразных проявлениях человеческой деятельности» [Мастеница, 2017, с. 82], в то время как процесс или технология, личное участие в созидании объекта нематериального наследия – сложный путь включения, понимания, вовлечения, приспособления, интерпретации, освоения. Объекты нематериального наследия являют собой сущностные, знаковые и смысловые, а порой самые яркие и запоминающиеся аспекты, элементы, измерения культуры [Мастеница, 2000, с. 87–90; Купцова, Сазонова, 2022, с. 56–64]. Информационно-семиотический ресурс культуры, считают исследователи, в отличие от материально-вещественного и энергетического не исчерпывается при потреблении, напротив, эволюция феномена «происходит в направлении увеличения объема воспринимаемой информации» [Рыжов, 2002, с. 159]. Особенно ярко этот принцип «максимума информации» проявляется в культуре и искусстве и стимулируется условиями среды, фактором увеличения разнообразия используемых средств. Следствием его действия во всех видах и жанрах является увеличивающаяся информативность произведений искусства. Не случайно М. С. Каган различает эстетическую и художественную информацию, для возникно-

вения которой требуются более сложные условия, во-первых, наличие субъекта, способного к преобразованию объектов в художественный образ; во-вторых, адекватное художественное восприятие; в-третьих, «наличие создаваемого данным субъектом художественного текста, в котором этот образ материализуется и получается тем самым независимое от создавшего его субъекта существование; в-четвертых, наличие еще одного типа субъекта – читателя, зрителя, слушателя, к которому адресован данный текст и который должен быть способен «декодировать» его, раскрыть заключенное в нем художественное содержание, осуществляя акт сотворчества, необходимый для актуализации художественной информации» [Каган, 2006, с. 61].

Таким образом, художественная информация возникает в процессе коммуникации художника-творца в со-творчестве с реципиентом.

Если учесть эти обстоятельства (и информационную сущность культуры), базовые типы культур и основания к их выделению (конституированию) должны бы выглядеть следующим образом:

- эзотерико-символические формы (магия, ритуалы, религии, идеологии);
- знаково-символические формы (они известны, комментариев не требуют);
- вещественно-знаковые формы (жилище-архитектура, костюм, кухня, дизайн, монументалистика, мир ландшафтной культуры);
- телесно-инструментальные (или инструментально-символические) формы (балет, хореография, музыкальное исполнительство, спорт, игра, театр мима);
- синтетические формы (образование, театральное искусство, кино, музей);
- условная социальная информация (системы базовых кодов и когнитивных структур культуры, то есть языки естественные и искусственные, миф, обычай, традиции, научные теории и парадигмы, мировоззренческие универсалии культуры), на основе которой и происходит восприятие любой информации, наделение ее смыслами и соотнесение с целостным миром культуры. Так информационно-семиотическая теория открывает принципиально новое, не просто «панорамным», но «трехмерный» ракурс виденья культуры – выделения ее типологических элементов и типологических рядов.

И, наконец, об «атоме культуры» или «культуре», о проблеме, которая поставлена еще Абрахамом Модем. Речь идет о поиске и выяв-

лении тех «элементарных» частей («атомов культуры»), комбинации которых якобы создают (порождают) реальные формы культуры. Эта идея в свое время была подхвачена и в нашей культурологии – Каган и Кармин видели в роли таковых «атомов» знание, ценности, проекты, регулятивы (социально-нормативные установления-традиции, законы), хотя трудно назвать их элементарными. Ведь знание, как известно, существует в виде и весьма сложных теорий и даже масштабных парадигмальных систем. И еще: культурная форма имеет предназначение связывать не субстанциональную (то есть информационную, смысловую) сущность культуры с ее материальным, вещественным, знаково-символическим «телом». Однако, как видим, у М. С. Кагана и А. С. Кармина культурная форма так и сводится к сумме тех же «не вещественных», то есть смысловых форм культуры (знание, ценности, проект, регулятивы). Дискуссионность подобного понимания «атома культуры» продолжить обоснование сложной сущности культуры. И, на наш взгляд, через обращение к информационно-семиотической теории, перед нами вновь раскрывается принципиально иное решение – раскрыть в качестве «атома культуры» минимальные фреймы (паттерны) форм культуры, которые в процессах ассоциаций, референций и эмерджений обретают привычные нам формы и знаково-символические облачения. Но и это еще не все.

Человек как субъект культуры

Очевидно, что в культуре, как ни в одной другой сфере бытия, велика роль субъекта, «действенного Я», формы и процессы его бытия (как он возможен и как существует реально). Между тем, в гуманитарной науке субъекта любой сферы определяют весьма абстрактно как «носителя предметно-практической деятельности». Едва ли это абстрактное и расплывчатое определение относимо к культуре. С субъектом культуры, с субъектностью в культуре все обстоит куда сложнее: вопрос способности всех субъектов к творчеству и проявлению себя в культуре, т.е. быть носителем практической деятельности, иначе говоря – творцом культуры. Большинство субъектов культуры пребывает в ролях ее акторов и агентов (ценителей, поклонников, «фанатов» – потребителей культуры). И вот здесь встает ключевой вопрос: «Можно ли в них видеть субъектов, реально влияющих на культуру, ее судьбы, процессы ее развития?» Иными слова-

ми – это вопрос о взаимоотношении деятельности, личности и творчества. И в этом вопросе мы разделяем позицию исследователей, полагающих, что личность не только осуществляет деятельность, то есть «не только внутри процесса, но и над деятельностью. Она может подняться над пространством деятельности, отказаться от той или иной деятельности, выбрать другую, построить новую деятельность, даже изменить свою жизненную траекторию» [Зинченко, 2014, с. 279] Соответственно, подобное проявление свободы и творчества характеризует процесс культурной и художественной деятельности, где «развертывается индивидуальное бытие и «бытование» личности» <...> и «этот особый процесс <...> психологически обеспечивает специфическую форму связи его (человека – О. Н., Х. Г.) особенных и всеобщих проявлений – художественную/духовную как иносказательную, в которой он получает основание для самоопределения в человеческом мире» [Иванов, 2002, с. 360]. Поэтому наш ответ на поставленный вопрос скорее положительный, чем отрицательный: «В субъекте можно и следует видеть человека творческого – создателя культуры». Однако как понимать это утверждение и что оно предполагает? Особенно, если мы говорим о способности к творчеству, как проявлению развитости особого рода «духовного интеллекта», предполагающего достижение человеком духовности, высокой нравственности и способностей высших порядков, дополненных разумным началом – осознаваемостью восприятия информации, понимания и действия (творчество) через размышление [Герасимова, 2002, с. 136].

Дело в том, что культура, как и любая сложная и развивающаяся система, постоянно испытывает процессы эмерджений (идейных, жанровых, стилевых и т. д.), которые по-разному воспринимаются различными акторами и агентами культуры. Кем-то они принимаются с восторгом, кем-то просто отторгаются, а в итоге меняются культурные предпочтения и вкусы в социуме (обществе). В этом контексте есть все основания говорить и об эмерджении культурного бытия в целом. Речь при этом может идти об эмерджениях трех типов: структурно-стилевой (что касается самой культуры, ее новаций, течений); ментальной (что относится к изменениям вкусов и предпочтений акторов и агентов культуры) и, наконец, субъектной, которая отражает распределение акторов и агентов (поклонников, фанатов) культуры в плане под-

держки ими тех или иных перемен (новаций), случившихся в культуре в ходе эмерджентий. И самое главное: очевидно, что описанные типы эмерджентии культурного бытия влияют друг на друга, выводя в конечном итоге культуру, ее стили, формы и жанры на новые треки, пути и уровни развития (что повторяется бесконечно). Так информационно-семиотическая теория культуры в очередной раз открывает перед нами новые грани и измерения культуры, ее процессов. Примеры подобного рода можно продолжать и продолжать.

Методологические ресурсы информационно-семиотического подхода в культурологии

В естественных науках принципиальные изменения, как правило, связаны со скачкообразными сдвигами, то есть сменой парадигмы науки, ее глубинных оснований. В гуманитарных науках, как правило, все происходит иначе – здесь назревшие, тренды и методологические идеи заявляют о себе постепенно, прежде всего, в форме перемен и новаций в тезаурусе. Так происходит и в данном случае – в процессах развития культурологии. Характерна в этом плане дефиниция «фрейм» – информационное отражение (описание) некоей целостности бытия (или ситуации), с которой человек соотносит себя, свои действия, свое познание. Роль и значимость фрейма сегодня такова, что он соотносится со знанием, общением, процессом познания, ментальным миром человека и ментально-когнитивными процессами, с поведением и действиями человека. Фрейм соотносится также с текстами любого типа и характера – от художественных до технических. В итоге фрейм в ходу едва ли ни во всех науках о человеке – социологии, психологии, когнитивистике, лингвистике, филологии, теории музыки, в педагогике. Естественно, что «фрейм» все активнее заявляет о себе в культурологии [Хохлова, 2017, с. 29–35; Гурина, 2005; Сухонослова, 2016, с. 227–232; Дуркина, 2013, с. 90–93; Ерофеева, 2012, с. 36–49; Докучаева, 2010, с. 5–16], а давно обосновавшаяся здесь дефиниция «паттерн» (элемент культуры) активно используется в теории информации – для описания составных частей фрейма. И еще – культура, будучи сложной и динамичной системой, конечно же, подвержена синергетическим эффектам. И это тоже уже находит отражение в тезаурусе культурологии. В итоге с давно освоенными в культурологии идеями «система – элемент – иерархия» все и чаще соседствуют дефиниции «референция – эмер-

джентия – фрейм – фрактал – рекурсия» [Николаева, 2014; Зайченко, 2013, с. 57–59; Зайченко, 2014, с. 10–13]. Эти дефиниции, разумеется, в сочетании с категориями истории и философии культуры составляет основу тезауруса информационно-семиотической теории культуры. Без опоры на указанные понятия лишается аналитического и объяснительного потенциала, превращается в формальную схему и в метафору даже одна из центральных в культурологии категория «система».

Остается лишь заметить – информационно-семиотическая теория культуры уже входит в практику, позволяет вскрыть саму природу динамичной сложности культуры в условиях цивилизационных изменениях, внося в междисциплинарную методологическую версию свои поправки, от значимости которых культурологическая наука только выиграет.

Библиографический список

1. Астафьева О. Н., Тхагапсоев Х. Г. Истоки становления и основания для развития информационно-семиотической теории культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 221–230.
2. Астафьева О. Н. Культура как самоорганизующаяся система: синергетическая концепция // Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / под ред. Ю. М. Резника. Москва : Научно-политическая книга, 2012а. 479 с.
3. Астафьева О. Н. Синергетический подход к исследованию культуры // Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / под ред. Ю. М. Резника. Москва : Научно-политическая книга, 2012б. 479 с.
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 2000. С. 196–238.
5. Герасимова И. А. Совместное мышление как искусство: опыт философско-синергетического исследования // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред. В. А. Копчик. Москва : Прогресс-Традиция, 2002. С. 156–182.
6. Гурина Р. В., Соколова Е. Е. Фреймовое представление знания. Москва : Народное образование, 2005. 176 с.
7. Докучаева Р. М. Фреймовая структура высказываний как маркер единого коммуникативного пространства // Вестник Коми государственного педагогического института. 2010. № 10. С. 5–16.
8. Дуркина Г. С. Фреймовая организация художественного текста (на материалах русской классической и современной литературы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 9. С. 90–93.

9. Ерофеева М. Фрейм-аналитическая модель коммуникации: возможности и ограничения // Социология власти. № 8. 2012. С. 36–49.
10. Зайченко М. А., Яковлева Е. А. Рекурсивная форма движения и ее проявления в культуре // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013 Т. 155. № 1. С. 57–59.
11. Зайченко М. А. Специфика рекурсивного принципа в языке и музыке // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 1. С. 10–13.
12. Зинченко В. П. Личность, бессознательное, творчество (интерпретация психолога-методолога) // Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция, Перевод: коллективная монография / под общ. ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. С. 277–306.
13. Иванов С. П. Субъект художественного действия в построении и развитии культурных сфер // Человек как субъект культуры / отв. ред. Э. В. Сайко. Москва: Наука, 2002. С. 331–365.
14. Ивин А. А. Аксиология. Москва: Юрайт, 2023. 342 с.
15. Каган М. С. Об эвристической ценности информационного подхода в эстетике: в 1 т. / Каган М. С. Избранные труды в VII томах. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2006. 356 с.
16. Каган М. С. Философия культуры. Санкт-Петербург: Петрополис, 1996. 415 с.
17. Кармин А. С. Культурология. Санкт-Петербург: Лань, 2001. 830 с.
18. Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Москва: Стратегические приоритеты, 2015. 268 с.
19. Кондаков И. В. Человеческая и нечеловеческая культура: общее и особенное // VI Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации»: программа, тезисы докладов, Москва 30 октября – 1 ноября 2024 г. Москва: Институт наследия, 2024. 284 с.
20. Купцова И. А., Сазонова В. А. Нематериальное культурное наследие: концептуальные подходы к определению феномена // Обсерватория культуры. 2022. № 19 (1). С. 56–64.
21. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва: АСТ, 2018. 256 с.
22. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2010. 704 с.
23. Мастеница Е. Н. Музейный предмет как объект информации и факт культуры // Человек в информационном пространстве цивилизации: культура, религия, образование: междунар. науч. конф. Краснодар-Новороссийск 19-21 сент. 2000 г.: тез докл.; науч. ред. И. И. Горлова и др. Краснодар, 2000. С. 87–90.
24. Мастеница Е. Н. Нематериальное наследие как объект музеефикации: теоретико-методологические основания // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1 (1). С. 79–85.
25. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. Москва: Мир, 1966. 352 с.
26. Николаева Е. В. Фракталы городской культуры. Санкт-Петербург: Страта, 2014. 264 с.
27. Пелипенко А. А. Смыслонетическая концепция культуры // Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / под ред. Ю. М. Резника. Москва: Научно-политическая книга, 2012. 479 с.
28. Рыжов В. П. Информационные аспекты самоорганизации в искусстве // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред. В. А. Копчик. Москва: Прогресс-Традиция, 2002. С. 156–182.
29. Спивак Д. Л. Культурная идентичность и ее биологические корреляты // VI Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации»: программа, тезисы докладов, Москва 30 октября – 1 ноября 2024 г. Москва: Институт наследия, 2024. 284 с.
30. Степин В. С. Культура: в т. 2 // Новая философская энциклопедия. Москва: Мысль, 2001. С. 341–347.
31. Степин В. С. Цивилизация и культура: поиск новых стратегий развития человечества в XXI столетии (размышления над новой книгой В. С. Степина «Цивилизация и культура»). Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. 408 с.
32. Сухонослова С. В. Возможности фрейм-анализа в формировании образа города у студентов-культурологов: постановка проблемы // Педагогическое образование в России. 2016. № 1. С. 227–232.
33. Тхагапсоев Х. Г., Астафьева О. Н. Информационно-семиотическая теория культуры. Введение / Х. Г. Тхагапсоев, О. Н. Астафьева, И. И. Докучаев, И. В. Леонов. Санкт-Петербург: Астерион, 2020. 208 с.
34. Урсул А. Д. Информация. Методологические аспекты. Москва: Наука, 1971. 296 с.
35. Урсул А. Д. Культура как информационный феномен // Философская мысль: электронный журнал. 2013. № 8. С. 295–355. URL: http://enotabene.ru/fr/article_508.html (дата обращения: 14.09.2024)
36. Флиер А. Я. Происхождение культуры: новая концепция культурогенеза // Знание. Понимание. Умение: электронный журнал. 2012. №4. URL: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/ (дата обращения: 10.08.2024)
37. Хохлова А. Л. Типология семантических фреймов в музыке // Вестник музыкальной науки. 2017. № 2 (16). С. 29–35.
38. Цветус-Сальхова Т. Э. «Тело» и «Телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 72–73.
39. Чернавский Д. С. Синергетика и информация. Москва: Наука, 2001. 243 с.

Reference list

1. Astaf'eva O. N., Thagapsoev H. G. Istoki stanovlenija i osnovanija dlja razvitija informacionno-semiotičeskoj teorii kul'tury = Sources of formation and grounds for the development of the information-semiotic theory of culture // Verhnevolskij filologičeskij vestnik. 2023. № 4 (35). S. 221–230.
2. Astaf'eva O. N. Kul'tura kak samoorganizujuščajasja sistema: sinergetičeskaja koncepcija = Culture as a self-organizing system: a synergetic concept // Teorija kul'tury: raznoobrazie podhodov i vozmožnosti ih integracii / pod red. Ju. M. Reznika. Moskva : Nauchno-političeskaja kniga, 2012a. 479 s.
3. Astaf'eva O. N. Sinergetičeskij podhod k issledovaniju kul'tury = A synergetic approach to studying culture // Teorija kul'tury: raznoobrazie podhodov i vozmožnosti ih integracii / pod red. Ju. M. Reznika. Moskva : Nauchno-političeskaja kniga, 2012b. 479 s.
4. Bart R. Vvedenie v strukturnyj analiz povestvovatel'nyh tekstov = Introduction to the structural analysis of narrative texts // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / per. s fr. G. K. Kosikova. Moskva : Progress, 2000. S. 196–238.
5. Gerasimova I. A. Sovmestnoe myshlenie kak iskusstvo: opyt filosofsko-sinergetičeskogo issledovanija = Joint thinking as art: experience of philosophical-synergetic research // Sinergetičeskaja paradigma. Nelinejnoe myshlenie v nauke i iskusstve / sost. i otv. red. V. A. Kopcik. Moskva : Progress-Tradicija, 2002. S. 156–182.
6. Gurina R. V., Sokolova E. E. Frejmovoe predstavlenie znanija = Frame representation of knowledge. Moskva : Narodnoe obrazovanie, 2005. 176 s.
7. Dokuchaeva R. M. Frejmovaja struktura vyskazyvanij kak marker edinogo kommunikativnogo prostranstva = Frame structure of utterances as a marker of a single communicative space // Vestnik Komi gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta. 2010. № 10. S. 5–16.
8. Durkina G. S. Frejmovaja organizacija hudožestvennogo teksta (na materialah russkoj klassičeskoj i sovremennoj literatury) = Frame organization of artistic text (based on Russian classical and modern literature) // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2013. № 9. S. 90–93.
9. Erofeeva M. Frejm-analitičeskaja model' komunikacii: vozmožnosti i ogranichenija = Frame-analytical model of communication: possibilities and limitations // Sociologija vlasti. № 8. 2012. S. 36–49.
10. Zajchenko M. A., Jakovleva E. A. Rekursivnaja forma dvizhenija i ee projavlenija v kul'ture = Recursive form of movement and its manifestations in culture // Učenie zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2013 T. 155. № 1. S. 57–59.
11. Zajchenko M. A. Specifika rekursivnogo principa v jazyke i muzyke = Recursive principle specificity in language and music // Baltijskij gumanitarnyj žurnal. 2014. № 1. S. 10–13.
12. Zinchenko V. P. Lichnost', bessoznatel'noe, tvorčestvo (interpretacija psihologa-metodologa) = Personality, the unconscious, and creativity (interpretation by a methodological psychologist) // Sovremennye metodologičeskie strategii: Interpretacija. Konvencija, Perevod : kollektivnaja monografija / pod obsħh. red. B. I. Pruzhinina, T. G. Shhedrinoj. Moskva : Političeskaja jenciklopedija, 2014. S. 277–306.
13. Ivanov S. P. Sub#ekt hudožestvennogo dejstvija v postroenii i razvitii kul'turnyh sfer = The subject of artistic action in constructing and developing cultural spheres // Čelovek kak sub#ekt kul'tury / otv. red. Je. V. Sajko. Moskva : Nauka, 2002. C. 331–365.
14. Ivin A. A. Aksiologija = Axiology. Moskva : Jurajt, 2023. 342 s.
15. Kagan M. S. Ob jevrističeskoj cennosti informacionnogo podhoda v jestetike = On the heuristic value of the information based approach in aesthetics : v 1 t. / Kagan M. S. Izbrannye trudy v VII tomah. Sankt-Peterburg : ID «Petropolis», 2006. 356 s.
16. Kagan M. S. Filosofija kul'tury = Philosophy of culture. Sankt-Peterburg : Petropolis, 1996. 415 s.
17. Karmin A. S. Kul'turologija = Culture studies. Sankt-Peterburg : Lan', 2001. 830 s.
18. Kolin K. K., Ursul A. D. Informacija i kul'tura = Information and culture. Moskva : Strategičeskie prioritety, 2015. 268 s.
19. Kondakov I. V. Čelovečeskaja i nečelovečeskaja kul'tura: obsħhee i osobennoe = Human and non-human culture: common and special features / VI Rossijskij kul'turologičeskij kongress s mezhdunarodnym učastiem «Kul'turnaja identičnost' v prostranstve tradicii i innovacii»: programma, tezisj dokladov, Moskva 30 oktjabrja – 1 nojabrja 2024 g. Moskva : Institut nasledija, 2024. 284 s.
20. Kupcova I. A., Sazonova V. A. Nematerial'noe kul'turnoe nasledie: konceptual'nye podhody k opredeleniju fenomena = Intangible cultural heritage: conceptual approaches to defining the phenomenon // Observatorija kul'tury. 2022. № 19 (1). S. 56–64.
21. Lotman Ju. M. Kul'tura i vzryv = Culture and the explosion. Moskva : AST, 2018. 256 s.
22. Lotman Ju. M. Semiosfera = Semiosphere. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2010. 704 s.
23. Mastenica E. N. Muzejnyj predmet kak ob#ekt informacii i fakt kul'tury = The museum object as an object of information and a fact of culture // Čelovek v informacionnom prostranstve civilizacii: kul'tura, religija, obrazovanie: mezhdunar. nauch. konf. Krasnodar-Novorossijsk 19-21 sent. 2000 g.: tez dokl.; nauch. red. I. I. Gorlova i dr. Krasnodar, 2000. S. 87–90.
24. Mastenica E. N. Nematerial'noe nasledie kak ob#ekt muzeifikacii: teoretiko-metodologičeskie osnovanija = Intangible heritage as an object of museumification: theoretical and methodological bases // Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii. 2017. № 1 (1). S. 79–85.

25. Mol' A. Teorija informacii i jesteticheskoe vospriatije = Information theory and aesthetic perception. Moskva : Mir, 1966. 352 s.
26. Nikolaeva E. V. Fraktaly gorodskoj kul'tury = Fractals of urban culture. Sankt-Peterburg : Strata, 2014. 264 s.
27. Pelipenko A. A. Smyslogeneticheskaja koncepcija kul'tury = The semantic-genetic concept of culture // Teorija kul'tury: raznoobrazie podhodov i vozmozhnosti ih integracii / pod red. Ju. M. Reznika. Moskva : Nauchnopoliticheskaja kniga, 2012. 479 s.
28. Ryzhov V. P. Informacionnye aspekty samoorganizacii v iskusstve = Information aspects of self-organization in art // Sinergeticheskaja paradigma. Nelinejnoe myshlenie v nauke i iskusstve / sost. i otv. red. V. A. Kopicik. Moskva : Progress-Tradicija, 2002. S. 156–182.
29. Spivak D. L. Kul'turnaja identichnost' i ee biologicheskie korreljaty = Cultural identity and its biological correlates // VI Rossijskij kul'turologičeskij kongress s mezhdunarodnym uchastiem «Kul'turnaja identichnost' v prostranstve tradicii i innovacii»: programma, tezisy dokladov, Moskva 30 oktjabrja – 1 nojabrja 2024 g. Moskva : Institut nasledija, 2024. 284 s.
30. Stepin V. S. Kul'tura = Culture : v t. 2 // Novaja filosofskaja jenciklopedija. Moskva : Mysl', 2001. S. 341–347.
31. Stepin V. S. Civilizacija i kul'tura: poisk novyh strategij razvitija chelovechestva v XXI stoletii (razmyshlenija nad novoj knigoj V. S. Stepina «Civilizacija i kul'tura») = Civilization and culture: searching for new strategies of human development in the XXI century (reflections on V. S. Stepin's new book Civilization and Culture). Sankt-Peterburg : SPbGUP, 2011. 408 s.
32. Suhonosova S. V. Vozmozhnosti frejm-analiza v formirovanii obraza goroda u studentov-kul'turologov: postanovka problemy = Frame-analysis possibilities in forming the image of the city among students of culture studies: stating the problem // Pedagogičeskoe obrazovanie v Rossii. 2016. № 1. S. 227–232.
33. Thagapsoev H. G., Astaf'eva O. N. Informacionno-semiotičeskaja teorija kul'tury. Vvedenie = An information-semiotic theory of culture. Introduction / H. G. Thagapsoev, O. N. Astaf'eva, I. I. Dokuchaev, I. V. Leonov. Sankt-Peterburg : Asterion, 2020. 208 s.
34. Ursul A. D. Informacija. Metodologičeskie aspekty = Information. Methodological aspects. Moskva : Nauka, 1971. 296 s.
35. Ursul A. D. Kul'tura kak informacionnyj fenomen = Culture as an information phenomenon // Filosofskaja mysl': jelektronnyj zhurnal. 2013. № 8. S. 295–355. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_508.html (data obrashhenija: 14.09.2024)
36. Flier A. Ja. Proishozhdenie kul'tury: novaja koncepcija kul'turogeneza = The origin of culture: a new concept of cultural genesis // Znanie. Ponimanie. Umenie: jelektronnyj zhurnal. 2012. №4. URL: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/ (data obrashhenija: 10.08.2024)
37. Hohlova A. L. Tipologija semanticheskikh frejmov v muzyke = Typology of semantic frames in music // Vestnik muzykal'noj nauki. 2017. № 2 (16). S. 29–35.
38. Cvetus-Sal'hova T. Je. «Telo» i «Telesnost'» v kul'turologičeskikh issledovanijah = «Body» and «Corporeality» in cultural studies // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 351. S. 72–73.
39. Chernavskij D. S. Sinergetika i informacija = Synergy and information. Moskva : Nauka, 2001. 243 s.

Статья поступила в редакцию 26.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted on 26.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024